ПОЛИНА
БРЕЙТЕР

ОКТАВА

Время читать! (Время)

Полина Брейтер

Октава

«ВЕБКНИГА»
2020

Брейтер П.

Октава / П. Брейтер — «ВЕБКНИГА», 2020 — (Время читать! (Время))

ISBN 978-5-96-912025-9

Новая повесть Полины Брейтер отсылает читателя к проблемам религиозно-философским, решаемым на человеческом уровне и призванным примирить благость Божественного с существованием зла в мире. Несовершенство человека, его греховность, как проявление зла метафизического, страдание как реализация зла физического – и мудрость, красота и правота мира гармонии связываются в единую высокую гамму имманентной внутренней свободой человека. Умирающая героиня повести перебирает ноты своей жизни, события и людей и пытается оправдать этот мир, кажущийся ей совершенным. В художественную ткань повествования искусно вплетены сложнейшие сентенции мировой философии теодицеи – от Лейбница и до Померанца; текст полон аллюзий на шедевры мировой культуры – музыку Баха и Моцарта, фильмы Тарковского и Параджанова, стихи Ахматовой и Пастернака.

ISBN 978-5-96-912025-9

© Брейтер П., 2020
© ВЕБКНИГА, 2020

Содержание

Ольга Родионова. Вместо предисловия 6
От автора 7
Октава 8
Пролог 8
Прелюдия 9
Глава 1. До 10
Глава 2. Ре 28
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Полина Брейтер
Октава

Редакторы *Ольга Дашкевич, Лариса Спиридонова*
Художественный редактор *Валерий Калныньш*
Верстка *Светлана Спиридонова*
Корректор *Елена Плёнкина*

© Полина Брейтер, 2020
© «Время», 2020

⁂

Ольга Родионова. Вместо предисловия

Определить жанр книги Полины Брейтер сложно. Что это – лирическая проза? Поэзия? Эпистола? Мемуары? Философский трактат?.. А может быть, это вообще музыка? Определенно, в ней присутствует внутренний ритм, свойственный даже не столько поэзии, сколько музыке в ее симфоническом звучании. Сотканная из воспоминаний, писем, снов и цитат, она повествует о любви, о Боге – и об одном из самых древних и потаенных человеческих страхов, страхе смерти.

Пространство книги охватывает страны и города; переживания героини, получившей смертельный диагноз, временами удивительным образом пересекаются с идеями русского космизма, озвученными гениальным философом Н. Ф. Федоровым, и христианскими догмами, воплощенными в Новом Завете.

Умение героини летать – это не физическое свойство телесной оболочки, а состояние души, которого страх смерти способен ее лишить. И вот глава за главой, страница за страницей перед читателем разворачивается борьба за полет, сражение со смертью, даже не физической, но духовной, падения и взлеты страдающего существа, жаждущего любви и стремящегося летать. Ибо Бог есть любовь, и Бог есть полет. И все мертвые живы. И все живые бессмертны.

Говорят, страданиями душа растет. Героиня Полины Брейтер, шаг за шагом преодолевающая первобытный ужас живого существа перед бездной смерти, детский страх неизвестности и слабость болезни, ночные кошмары и чувство вины и потерь, доказывает этот постулат, начиная с первых страниц книги и заканчивая фразой: «Все хорошо, Господи. Все хорошо».

Ольга Родионова

От автора

Эта книжка написана для тех моих сестер и братьев, которых я никогда не увижу и никогда не узнаю, потому что рассыпаны мы то ли в пространстве, то ли во времени. И все же я чувствую их родство и тихо шепчу им свое «ау» в тайной надежде, что хоть кто-то из них услышит его, как услышали те немногие близкие по духу, с которыми выпало мне счастье встретиться.

Я хотела бы выразить свою безграничную благодарность вдохновительнице и первому читателю «Октавы» Наталье Бернадской. Благодарю ее за постоянную заботу, за терпение и поддержку, за неизменную веру в меня, за чуткий слух к «четвертому измерению», за умение слышать несказ*а*нное. Без ее действенного дружеского участия не было бы этой книги.

Хочу также поблагодарить Марину Адамович и Татьяну Чернышеву, идеальных читателей этой повести, которые не понаслышке знают о мирах, сотканных из слов, о реальности слова и магических формах его влияния на мир.

Полина Брейтер

Октава

Посвящается памяти Бориса Алексеевича Чичибабина, которого считаю своим духовным наставником, который вел меня и учил жить в Главном, терпеливо отвечая на мои «детские» вопросы о Боге, о добре и зле, о жизни и смерти, о путях человека и человечества.

Здесь все меня переживет,
Все, даже ветхие скворешни,
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет.

И голос вечности зовет
С неодолимостью нездешней,
И над цветущею черешней
Сиянье легкий месяц льет.

И кажется такой нетрудной,
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда…

Анна Ахматова

Пролог

Доктор ушел, а во мне продолжают звучать его подбадривающие слова о том, что еще ничего неизвестно; о том, что современная медицина способна на чудеса, хотя иногда не справляется с простым насморком; о том, что старое больное дерево может долго скрипеть, тогда как молодое и здоровое неожиданно падает… Он уже садится, наверное, в машину, а я все еще слышу его профессионально-утешительные фразы. Он уже едет к следующему больному, медленно забывая обо мне и переключаясь на того, следующего, а я все не отпускаю его, все пытаюсь услышать в его ласковом равнодушии только ласку, а равнодушие отбросить; все объясняю самой себе, что врач не может сочувствовать всем каждый рабочий день, каждую рабочую неделю, год, годы…

Лежу на правом боку и смотрю в зеркало возле кровати. Смотрю в него, а из него на меня смотрит женщина. Она тоже лежит, и глаза у нее печальные и вопрошающие. «Ты испугалась?» – спрашиваю я тихо. Она не отвечает, даже головой не покачала, только продолжает смотреть на меня так же печально и безотрывно. «Ты не бойся, – говорю я зазеркальной женщине, – это ведь с каждым когда-то случается. Сейчас моя очередь. Помнишь Машеньку, когда ей сказали? Она тоже испугалась тогда. Но не закричала, не заплакала, а вздрогнула и сказала: “Ну что ж, теперь осталось только умереть достойно”. Тогда была ее очередь. Теперь моя. У меня все будет, конечно, иначе…»

Зазеркальная женщина смотрит мне в глаза и молчит, а я смотрю в ее глаза. И так долго молча лежим мы, каждая в своем мире. О чем думает она? Я не знаю. А я о чем думаю?

Прелюдия

До – ре – ми – фа – соль – ля – си.

Эти названия нот знакомы нам с детства.

А начинались они в XI веке. В небольшом городке в Тоскане, неподалеку от Флоренции, бенедиктинский монах Гвидо Аретинский (Гвидо д'Ареццо) (990–1050) обучал певчих исполнению церковных песнопений.

Гвидо и придумал названия нот, которыми мы пользуемся до сих пор. Это был акростих молитвы к Иоанну Крестителю:

Utqueant laxis
Resonare fibris,
Mira gestorum
Famuli tuorum,
Solve polluti
Labii reatum,
Sancte Ioannes.

В переводе с латыни: «Дай нам чистые уста, Святой Иоанн, чтобы мы могли всей силой своего голоса свидетельствовать о чудесах твоих деяний».

Гимн состоит из семи строк, а мелодия каждой строки все время начинается на тон выше по сравнению с предыдущей.

Название первой ноты октавы, Ut, в шестнадцатом веке заменили на Do (скорее всего, от латинского слова Dominus – Господь).

Название седьмой ступени – Си – тоже появилось позднее. Оно сложилось из начальных букв слов «Святой Иоанн», то есть из седьмой строки текста того же гимна.

Современная интерпретация названий нот выглядит так:

Do – Dominus – Господь;

Re – rerum – материя;

Mi – miraculum – чудо;

Fa – familias planetarium – семья планет, то есть Солнечная система;

Sol – solis – Солнце;

La – lactea via – Млечный Путь;

Si – siderae – небеса.

Нот семь, они образуют октаву. Следующая, восьмая нота, будет снова нота до, но уже на другой высоте[1].

[1] По материалам работы *Ю. Н. Холопова, Р. Л. Поспеловой* «Новации Гвидо Аретинского в музыкальной науке и практике».

Глава 1. До

…И я уйду. А птица будет петь,
как пела,
и будет сад, и дерево в саду,
и мой колодец белый.

‹…›

И я уйду; один – без никого,
без вечеров, без утренней капели
и белого колодца моего…

А птицы будут петь и петь, как пели

Хуан Рамон Хименес[2]

…ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне.
Ветхий Завет. Книга Иова, 3:25

Умереть? Перейти в бесконечность? Почему, почему, почему?..

Что-то больное и страшное пронеслось надо мною, безрадостное и темное. Почему? Как это получилось?

[2] Перевод с *исп. А. Гелескула.*

Хочется спать и плакать. Хочется спрятаться, чтобы меня не нашли. Я боюсь.

Какая-то вдруг навалилась усталость. И как неожиданно. За одну секунду. Только что не было – и вдруг…

Какая мрачная, надрывная тень пронеслась надо мною.

Душа испугалась. А испугавшись, заленилась и хочет спать, спрятаться в сон. Она устает так быстро теперь… Такие во мне усталость и бессилие, что я даже не могу вспомнить, о чем же думала. Грустно, а жаловаться стыдно. Может быть, это потому, что нездорова: слабость, сонливость, недомогание.

Почему тревога? Почему «можно не успеть»? Почему, почему, почему?.. Потому что может явиться смерть? Потому что ожидает страшное?

Нельзя мне сейчас хотеть смерти. У меня долги. У меня ниточки…

Что это – то, что началось сегодня? Школа? Урок? Чему надо научиться? Через что переступить? А может быть, это испытание на прочность – до какой меры тоски и отчаянья можно дойти и выдержать? Или наказание за то, что плохо жила и плохо училась? Может быть, может быть. Все может быть.

Мне страшно, и очень не хочется, но ведь это простительно, правда? Дайте время привыкнуть, смириться, принять эту неизбежность…

Я все-таки плачу сейчас потихонечку. И потому мне очень легко болтать с самой собой о всяких печалях.

Плакать хорошо… Жалеешь так себя, любуешься собой, не знаешь, чего хочешь, просто лежишь и истекаешь жалостью к самой себе.

Космос такой большой. Такой большой фиолетовый космос. Мы такие маленькие в нем. Так бесконечно наше сиротство. Большой космос ждет меня. Но ведь Большой космос и мой внутренний космос – это одно. Почему же во мне появился страх? Его не было раньше. Почему так страшно и так невозможно принять неизбежное?..

Как сиротливо, как одиноко! Как ребенку в больнице. Что так давит меня. Болезнь? Предчувствие близкой смерти?

⁂

В комнате тускловато. В ней стелется неяркий и нерадостный свет несолнечного дня. И сон какой-то, – не помню какой и о чем, но помню, что светлый. Сижу я вроде то ли перед окном, то ли перед зеркалом, которое напротив окна. И оно отражает все, что в окно видно. Вот так сижу и смотрю, ничего не делая, ни о чем не думая. Просто смотрю то ли в окно, то ли в зеркало, но в зеркале этом не только себя вижу, но и все другое, всех других, всех «не себя». Долго сижу так, и постепенно начинают мелькать в голове какие-то мысли. Я не помню их, но знаю, что они о главном, серьезном и важном. Они размышляются сами собой, потом

растворяются, переходят в молчание, но не перестают быть. Как в трансе или в медитации. И что-то во мне знает, что все это не зря. Что мысли мелькают не зря, и плывут не зря, и не зря уплывают. И что вот сейчас, в эти минуты, пока я ничего не делаю, что-то большое-большое делается со мной. И это большое – не враждебно. Его не надо бояться, а надо оставаться расслабленной, чтобы не мешать ему…

Мне не очень страшно теперь, мне почти спокойно, надежно, как дома! Так я ведь и в самом деле дома. А космос?.. Это будет потом, когда болезнь окончится и уступит меня ему? Космос – это совсем-совсем нестрашно. И быть в нем так же неодиноко, как быть с близким другом во дворике дома, где я живу. Мне стыдно, что я когда-то боялась космоса. Мне странно, что я когда-то ощущала одиночество. Хотя то, что предстоит мне, подразумевает, что никого-никого не будет тогда рядом со мной. А все-таки одинокой я и тогда не буду. Это когда-то давно бродила я сиротой по земле, по очень большой земле, боясь еще большего Космоса. Тогда я не знала еще, что я не сирота, что все мы не сироты в Бесконечности …

По каким законам движутся страх и тоска, почему они появляются, куда уходят, отчего усиливаются до невозможности вынести, отчего ослабевают, отпускают? Ничего этого я не понимаю…

⁂

Хорошо, что недомогание – такое ощущаемое, такое физическое, материальное, плотское. Хорошо, что я чувствую себя больной, просто больной. И от этого, а не от непонятных причин – стонет, и жалуется, и ноет, и плачет мое тело. Тело, а не душа, – тело! Я чувствую себя очень плохо. Живу, как под тяжелым камнем, который давит на меня, только давит он не снаружи, а изнутри. Он давит все время, давит и давит, а все внутри сжимается и сжимается; и когда это становится невыносимым, приходят крик, слезы. Наступает разрядка. Но передышка длится недолго. И все опять…

Весь день с самого утра, даже с самой ночи, так тяжело, так смертельно тоскливо и тяжело, что этому не помогают ни отвлечение на мирские обязанности, ни трудный надрывный плач.

Болезнь и страх крепко держат меня, я все время думаю о том, что мне предстоит. Душа съеживается, тускнеет. Она не может вместить в себя ничего, кроме болезни и ужаса перед предстоящей смертью. Она разучилась расширяться и вмещать в себя бесконечность. Какая там бесконечность? В могиле?

А может быть, нужно дойти до полного отчаянья? И в отчаянье обрести решимость и мужество пройти через то, что тебе предстоит, как-то изменить или как-то окончить свою жизнь? Но как?

Ты все равно придешь. – Зачем же не теперь?
Я жду тебя – мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной[3].

[3] *А. Ахматова.* Реквием.

Нет, нет, я не жду, я не хочу, я не готова! Я зажгу все лампы и все светильники, я затворю от тебя все двери. Я не хочу тебя, не хочу тебя, не хочу!..

⁂

Смерть – не конец, а начало, я знаю. И мне со всех сторон твердят это сейчас почему-то. Может быть, чтобы мне не так страшно было? Или им тоже страшно? Льву Толстому, например, который записывал в «Круге чтения» цитату Монтеня: «Смерть есть начало другой жизни».

И почему так похоже, так почти одинаково люди совершают «открытия»? Только что пожаловалась, что жить больно, и тут же попадается у Зинаиды Миркиной: «Но почему *быть* так больно? Почему?»[4]

Привыкнуть, смириться, принять неизбежность. Я знаю, что она придет, и придет скоро. И конечно, мне страшно и очень не хочется, но…

⁂

> Больничная палата. Все шесть кроватей заняты, я сижу на стуле возле ее кровати. Все буднично. Стонут больные. Копошится медсестра. Никто не смотрит на нас. И мы ни на кого не смотрим. Она – потому что умирает. Я – потому что не могу оторваться от нее. То, что связывает нас сейчас, неостановимо, непреодолимо, неразрывно, не может быть выражено ничем. Она не стонет, она молчит, потому что она уже не здесь, почти не здесь, хотя еще и не *там*, наверное. А я бормочу ей какие-то слова – или это мне только кажется; я прощаюсь с ней, держу ее за руку, хотя понимаю, что мне не удержать ее, держу ее за руку, и шепчу слова любви, слова прощания, глупые, бессмысленные обеты, которые ничего не значат, хотя я выполню их, выполню непременно. Я прошу ее подождать меня *там*, хотя понимаю, что впереди у меня еще жизнь, жизнь без нее, жизнь без забот о ней, жизнь, которая будет ей уже не нужна.

⁂

Дождик льет у нас с самой ночи. Думаю, что этот дождик унесет до весны тепло и солнышко, а вместо этого наступит настоящая осень, – не та первоначальная осень, когда все становится до невыносимости прекрасным, когда обнажаются души не только дерев, но каждого листа, каждой травинки, а унылая, холодная и мокрая осень, когда на душе становится грустно, гулять невозможно и в голову приходят меланхолические мысли.

Я проснулась, а утро еще не проснулось. Еще не проснулись мой тополь за окном, и океан, и сизоватый туман, и все дома и деревья. Спят зверушки и звери. И птицы, наверное, спят. Потому я такая тихая. Еще тише, чем вечером, когда засыпала.

---

[4] *З. Миркина*. Ты или я?: Фантазия на темы Ветхого и Нового Заветов.

Сейчас встану, и начнется дневная жизнь с ее суетой и хлопотами. Но пока еще не встала, пока лежу неподвижно без мыслей и слушаю тишину. Слушаю тишину, в которую входят и негромкий спокойный прибой, и мерный шелест листьев. Слушаю тишину и отдаюсь ее медленному, ее плавному течению.

Немного грустно видеть в окне, как сочится влагой серое небо и какое оно при этом заплаканное и распухшее от слез. Но весь наш двор – не унылый. Он все еще почти совсем зеленый, только два платана поджелтили свою зелень. И может быть, поэтому, погрустнев от дождя, двор наш все еще тот, из «осени первоначальной». И голуби терпеливо мокнут, сидя на проводах, вместо того чтобы улететь куда-нибудь под крышу…

Интересно, боятся ли деревья осени. Боятся ли они терять свои листья?

Смотрю на них, молчаливых. А они? Они на меня смотрят?

⁂

…Все странно, напряженно, страшновато и очень емко. Не знаю, всегда ли так бывает, я в первый раз пришла на такое.

Накрыт длинный стол. За ним сидят люди. Долгое молчание. Пригласивший нас Г. переполнен чем-то, чему я не знаю названия, что не есть горе, но есть что-то очень насыщенное и трудное для него. Этой его переполненности хватает на всех, и потому ощущается, что весь воздух в комнате напряжен до звона. Я знаю, что это исходит от Г., и я совсем не удивляюсь, когда он неожиданно начинает говорить тихим невнятным голосом, так что я почти не разбираю его слова, но каким-то образом улавливаю, что он хочет нам сказать. Он говорит о том, что видит свою умершую маму, видит ее благодарность всем, кто пришел, кто принимает участие в судьбе сына. И он от ее имени благодарит всех… Это – тост.

Наверное, что-то происходит здесь с нами. Не то чтобы мы все полюбили друг друга и сроднились, но, может быть, мы все, сами не зная того, причащаемся единого таинства, недоступного нашим глазам и ушам, но захватившего наши души?..

И все-таки самое главное, самое большое и важное, происходило тогда, когда все мы молча сидели за столом. Мы молчали, и ОНО делалось с нами… Таинство…

…Я ухожу. Г. беседует со мной немного. Он говорит, что за эти сорок дней после маминой смерти ему многое увиделось и открылось; что тот мир реален, что он, Г., все время общается с мамой, чувствует ее, видит… Что эти сроки – три дня, девять дней, сорок дней – не зря придуманы. Что-то было с ним важное на тридцать девятый день, во второй половине. Еще он считает, что ему помешали вывести маму, что мама могла бы выжить, если бы не вмешались силы ненависти. Еще дней двадцать жизни у нее было – так он говорит. И вообще ее можно было спасти. Он очень верит, что

чудеса происходили с ними, чудеса не человечьего происхождения, и было бы чудо спасения, но силы ненависти (он говорит о них – «нечистые силы») помешали…

Странно все это слушать. Это похоже на мистический бред человека, жаждущего внешних чудес. Но что-то не дает мне так воспринимать это. Я очень не люблю, когда люди начинают говорить о всяких внешних чудесах: мне всегда становится стыдно, и я начинаю подозревать их в шарлатанстве и фокусничестве. Но здесь все не так. Может быть, это потому, что я ощущаю причастность Г. чему-то большому, недоступному моим органам чувств, тому таинственному и огромному, что наполняло через него нашу комнату за безмолвным столом?.. Не знаю… Ничего не знаю. Не хочу ни знать, ни судить. Но верю в подлинность его чувств.

А еще я запомнила одну сказанную им вскользь фразу-цитату о том, что стоит осудить чей-то грех, как немедленно сам согрешишь таким же образом. Это ведь точно так. У меня всегда так бывает…

⁂

Когда болезнь окончательно отдаст меня космосу, мы соединимся с тобой, любимый мой, еще теснее, я верю в это. Почему же так страшно уходить туда из этого мира? Почему сама мысль об этом кажется ужасной?

Может ли смерть быть нестрашной? Наверное, может – например, если она приходит во сне или в момент молитвы. Люди знали об этом давно. Гамлет, проходя мимо молящегося Клавдия, говорил сам себе, что сверши он сейчас свою месть, и убийца (убийца!) попадет прямо в рай, потому что погибнет во время молитвы. Ага, вот и оно: смерть не будет страшна, если жить в молитве, если жить в музыке Моцарта или Баха, в космосе, в бесконечности, объединив свои *здесь* и *там*.

⁂

Очень хочется спать, – и потому, может быть, что я такая сонная, все происходящее вокруг меня и со мной кажется мне каким-то туманным и нереальным. И сама я какая-то туманная и нереальная, будто сама себе снюсь. И мысли мои исходят из меня, минуя голову, они вытекают из полусознания, из какой-то неконтролируемой глубины… Мне странно, что мои ноги передвигаются по полу или по земле, потому что все кажется мне воздушным и легким, а сама я – как будто без тела и веса, и не ясно, что же это движется и перемещается в какой-то странной волшебной сфере. Как сквозь сон или сквозь новокаиновый укол…

Это очень похоже на одесские катакомбы. Такой же длинный, очень темный и узкий коридор, вернее, коридоры. С поворотами, разветвлениями, сужениями, расширениями. Впрочем, расширений особенных здесь нет. И так же, как в одесских катакомбах, темень почти осязаема. И так же пахнет сыростью. Только там – лабиринт. А здесь – именно что коридор, или проход, или туннель, ведущий куда-то. Куда?..

Иду по этому темному туннелю и даже не знаю, одна иду или с кем-то. Вроде одна, никого рядом не вижу, но и не одна. Кто-то, кого не вижу, но ощущаю, но чувствую, – рядом. И не ясно: хорошо это или плохо? Это друг невидимый или враждебная и опасная сила?

Иду долго, медленно, просто иду и иду вперед. Почему-то нестрашно. Хотя и неспокойно. И совсем непонятно, что же это за переход такой. Все-таки я не одна. Со мной голос. Чей? Человеческий? Что говорит он мне? Я не знаю. Знаю только, что он – ведущий. Нет, он не помогает мне ни в чем, не угрожает ничем, просто говорит время от времени что-то. Направляет? Возможно. Он, наверное, такой большой, что я со своими бедами и страхом кажусь ему маленькой-маленькой. Меньше пчелки, меньше муравья.

Этот туннель, или коридор, или переход – он ничем мне не угрожает, но я съеживаюсь все больше и больше, все больше напрягаюсь и все больше хочу выйти из него. Куда? Туда, где не так темно, где не так близко жмутся к тебе стены, где не так много неопределенности…

– Долго ли мне еще идти? – спрашиваю я то ли саму себя, то ли голос. – И куда мы придем в конце концов?

И тут я вижу выход – проем в стене, широкую дыру, через которую можно спокойно пройти наружу.

Выхожу. Это снова похоже на одесские катакомбы, где дыр таких на глинистых склонах было множество. Я выхожу и оказываюсь где-то посреди крутого обрыва над морем. Ни дороги, ни тропинок. Ночь. Звезды высоко в небе, и ночное темное море далеко внизу. Стою одна в ночи между морем и небом.

– Что же мне делать? – спрашиваю.
– А ты не знаешь?
Это голос, который был со мной там, в туннеле.

Я знаю. Мне нужно броситься вверх, как бросался вниз Кастанеда, прыгая в пропасть, как бросался вверх с балкона Алешка, уверенный, что полетит.

Во мне нет страха. Во мне нет восторга. Во мне странное сочетание напряжения и покоя. Поднимаю руки вперед и вверх – и взлетаю. Лечу.

Ночное темное море подо мной светится, как лунная дорожка. Только это не дорожка, а все море светится так.

Ночное звездное небо надо мной – далекое и безучастное. Я между ними…

⁂

…Оказывается, много рождений и жизней – не выдумка, не фантазия. Только все это происходит не так, как я думала в школе. Я думала: живет существо, умирает, снова рождается, снова умирает, пока не станет буддой. А все не так. Мы сразу живем много жизней. Вот иду я по улице… или нет – вот сидим мы в вагоне, и не между двумя мгновениями, а вне их, ведь интервала не было, – мы уже прожили еще одну жизнь или много жизней. И от каждой веточки-жизни тоже можно ответвить жизнь, и так до бесконечности…

> Мы смотрим друг на друга, и руки у нас сплетены. И от этого вокруг нас сотворяется прозрачная и тонкая оболочка. Я ощущаю и вижу ее, она отделяет нас от всего мира, и… Ах, дело вовсе не в этом, дело совсем в другом. Дело в Космосе, в микро- или макро-, я не знаю, но в Космосе, в который мы унеслись, сотворив его в себе и собою. Ну вот, все хорошо, все правильно, все *дома* и на своих местах. Вне пространства. Вне времени. Но, значит, мы не первые? Не единственные, кто об этом узнал? Ведь читали мы у всяких фантастов-писателей, и все у них так любопытно, так захватывающе заворачивалось. А у нас – взяла руку твою, прикоснулась губами и… А через тысячу лет, прожив с тобой тысячи жизней, сотворив миллионы открытий, пройдя по миллиону дорог, умирая, рождаясь, болея, празднуя, находя, теряя… и еще через тысячу тысяч жизней и лет оглянусь на секунду, привлеченная чем-то неясным, и увижу вагон и тебя, смотрящего мне в глаза, и руку твою в своей, твою теплую, нежную руку, к которой прикоснулись только что мои губы…

«Умирая, рождаясь, болея, празднуя…» Значит, все это уже было, вернее, бывало со мной? И тоже было вот так же страшно?..

Отворачиваюсь от зеркала. Теперь передо мной окно, а за ним – небо. Это еще один – совсем другой – мир. В него можно смотреть, улыбаясь. Даже не так: в него нельзя смотреть, не улыбаясь. Не получится.

⁂

Сумерки. Я в кровати. В зеркале тоже сумерки. И поэтому все, что делается там, в зазеркалье, видится неясно, размыто, полуреально.

В моей комнате явно и ощутимо пахнет поездом – может быть, потому, что я жгла сегодня спички. Деревья за окном на океанской набережной не успокаиваются ни на минуту, качаются и гнутся от ветра. И точно так же качаются и гнутся они там, в зазеркалье. Я лежу в своей бруклинской комнате на океанской набережной, или в нашей комнатке в Одессе, или в купе твоего вагона и молча смотрю на тебя.

Ты лежишь на верхней полке; одна рука, согнутая в локте, под головой, другая, тоже согнутая в локте, – на одеяле. Ты не знаешь, что я вижу тебя. Это естественно. Между нами годы, несколько десятков лет. Ты не знаешь, что я вижу тебя, и потому весь ушел внутрь, вглубь, к нам, *в наше*. И все же там, в своем вагонном купе сорок лет назад, ты знаешь, что я рядом, я с тобой. А я смотрю на тебя, но и не смотрю. Вижу тебя, но и не вижу. Потому что я – это и есть ты. И это я лежу на полке в вагоне сорок лет назад. И, видя тебя, в то же время вместе с тобой думаю твою думу. Вместе с тобой переношусь сюда, в мою бруклинскую комнату

на берегу океана, и туда, в нашу комнатку, *в наш дом*, где я лежу на диване, вдыхаю запах поезда. И дума твоя без слов. И все это так нездешне, так *там*, что нам и в голову не приходит попробовать нарушить молчание. Мы молча и без улыбки глядим друг на друга. И глаза твои смотрят на меня, как тогда, когда ты прощался со мною. А мои глаза глядят в зазеркалье, где я слушаю стук колес, и прибой океана, и шелест листьев в одесском дворе. Нет, мне не кажется, что одно реальнее другого. Я гляжу на деревья, а вижу тебя. И это даже не любовь – то поле, которое возникло тогда в нас и живет и живет бесконечно. Это что-то другое… Это мы с тобой побывали где-то – не знаю где. Мистики придумали бы этому название… А мы названия не знаем, но мы обитаем *там*…

А потом *оно* стало как бы растворяться. То ли ты заснул, то ли я начала задремывать. Напряжение, соединяющее нас, ослабло. Стихло. И я засыпаю. Мне снятся какие-то сны, я не помню их. Но помню, что в одном из них я говорила тебе стихи, которые родились во мне…

> Когда нас развело в разные стороны, сначала только в земном пространстве, но уже и тогда безнадежно и непреодолимо настолько, что твой окончательный и необратимый, как казалось сначала, уход в бескрайность уже ничего практически не изменил в нашем мы, – когда это случилось с нами, я знала, что трудно и страшно было только мне одной, что тебе лишь вначале было немножко трудно, но с каждым днем все светлее и легче, и ты жалел и утешал меня, но сам-то не мучился, не страдал от видимости нашего «разрыва». И потом ты был нежен и ласков, ты старался мне помочь, но ты не делил со мной тоски моей омертвелости. Ты ждал. А я не понимала, хотя разум подсказывал мне, что там, где ты, времени не существует, и ждать тебе не томительно, не тягостно – не потому, что мало любви, а потому, что много высоты. И я обижалась и капризничала, но не умела единственно необходимого – подняться к тебе туда, где ты обитаешь.
>
> Мне понадобилось много лет, чтобы суметь оказаться там, где мы можем вновь встретиться и воссоединиться. Мне понадобилось много лет, чтобы оживить свою замерзшую после твоего ухода душу. Много лет ты ждал меня в начале своей жизни. Терпеливо ждал моего рождения. Много лет после нашей разлуки ты ждал меня там, куда позвал и повел, встретившись в первый раз. Ждал второй Встречи.
>
> Но вот они прошли. Теперь я бываю там, где ты. Я остаюсь пока на земле, но иногда попадаю туда. Попадаю туда, но все-таки остаюсь на земле до времени. Что-то мне, видно, еще нужно здесь сделать. Порой мне кажется, что я знаю, что именно. Я сделаю все, что должна, что предписано; я успею. Несколько наших венчаний были прекрасны. Но только предстоящее – воистину навсегда. Я готова. Веди меня, я за тобой.
>
> И поплывем мы с тобой в дальние-дальние края на корабле с белыми парусами. Паруса будут белыми, потому что для того, чтоб нам узнать друг друга, нам не нужно алых парусов. И края будут не дальними, ведь то, что мы ищем, не бывает далеко, а бывает только совсем-совсем близко, даже еще ближе: просто внутри себя…

И поплывем мы с тобой в дальние-дальние края… Значит, все-таки дальние? Да, – для того, чтобы долго плыть вместе, а края – какая разница: ближние они или дальние, только бы они не были краями, не были крайними…

И поплывем мы с тобою… Да мы давно уже плывем с тобою. И хотим еще долго плыть. И все равно, куда направит ветер наши белые паруса. В какую сторону бы мы ни поплыли, мы все равно поплывем туда, куда нужно, все равно туда, куда можно. Потому что не ветер надувает наши паруса… И поплывем мы с тобой… Давай поплывем с тобой. Давай будем плыть до-ол-го.

И войдем мы с тобою в храм Божий, что без стен, без крыши, без окон и дверей. И войдем мы с тобою в храм Божий, что протянулся от неба до неба, все обняв, все осветив собою, и преклоним колена, взявшись за руки, и скажем, не разжимая уст:

«Господи. Вот мы пред Тобою. И нету у нас заслуг. И нечем нам похваляться. Мы – маленькие и слабые. Мы много пред Тобой виноваты. Мы часто обижали Тебя, людей и самих себя тоже. Но мы любим друг друга, Господи. И мы верим, что эту любовь Ты послал нам, – потому что чем больше мы любим друг друга, тем больше мы ощущаем и любим Тебя.

Благослови же любовь нашу, Отче. Пусть она будет такой, как Ты хочешь. Пусть она будет любовью к Тебе, дорогой к Тебе. Да будет все не по нашей воле, а по Твоей».

Как бы ни сложилась в дальнейшем моя земная судьба, что бы ни случилось со мной в болезни и подступающей смерти, как бы я потом ни срывалась в слезы и просьбы, сомневаясь и мучаясь от страха и боли, спотыкаясь и падая от неумения и непривычки ходить по земле без твоей помогающей и ведущей руки, как бы ни хныкала или, наоборот, «крепилась», как бы там ни сложилось, – хочу сказать тебе сегодня и на все оставшиеся минуты вперед свое спасибо, свой земной поклон, свою благодарность, свои… Опять спотыкаюсь без твоей помощи.

Все без исключения мгновения нашей жизни – начиная с первой секунды, когда сначала мы оба были еще *здесь*, потом, когда ты ушел *туда*, а я сперва испугалась, что осталась одна, без тебя, а потом поняла и увидела, что мы продолжаем нашу жизнь вместе, и кончая той, когда и я перестану дышать здесь, – все эти бесконечные мгновения я была самым счастливым существом во Вселенной. И это ты сделал меня такой. Много раз я пыталась сказать тебе о своей благодарности, но всегда безуспешно. Не могу рассказать, что ты подарил мне. Ты все подарил. Все, о чем мечтала, все, о чем и мечтать не могла. Ты так заласкал меня, как ни один человек не может. Как счастливо мы жили отпущенные нам годы, как счастливо! Наши «открытия», наши полеты, наши молитвы, наш монастырь, наш дом – вот сколько ты подарил. Меня, сироту, мучающуюся от одиночества, превратил в желанную и нужную, в любимую, чувствующую себя дома во Вселенной… Я люблю тебя. Я благодарю тебя.

⁂

Ты улыбнись мне. Ты подержи меня за руку, и потрись щекой о мою, и дай мне свою руку, чтоб я могла прикоснуться к ней щекой и руками. И заснуть, держа тебя за руку…

Мы не можем отвечать за то, что происходит с нами не по нашей воле. И если происходит страшное, то не обязаны ли мы принимать его, как принимали все прекрасное, все чудеса, которые творились с нами, которые были подарены нам?

Что там, за дверью, сторожит и поджидает меня? Я не ясновидящая, но это я вижу ясно. Всякие мечты, желания, размышления растворяются сами собой и превращаются в нечто, чему мы пока не знаем названия, но что называем пугающим словом «боль». Само слово «страдание» сужает свое значение и означает только страдание тела и страх перед смертью. Даже единство наше переходит в иные сферы, как в иных сферах было оно, когда ты покидал эту землю… И это будет, будет непременно и, вероятнее всего, скоро. А до этого еще через многое и через трудное, больное, мучительное пройти надо…

Как хочется, чтобы случилось чудо, чтобы открылось Небо, чтобы вернулась молитва. Но так не должно быть. Это было бы неправильно. Чуду не д*о*лжно случаться, я знаю. А *за* лихорадкой, *за* бредом полусонного оцепенения, *за* нежеланием принимать неизбежное они же есть и сейчас – Небо, Свет, Тишина, – я помню, что они есть.

И я представляю себе, как мы были бы здесь вдвоем материально. Неужели это может хоть единственный разочек быть с нами?! Вот такое утро, восход солнца, утренний океан, пустынный берег – и мы. И океан перед нами – нам. И солнышко поднимается – нам. И пальцам моим не надо шевелиться, чтобы проверить, есть ли твоя рука, потому что всей собой, каждым листочком своим я ощущаю тебя, каждый твой листочек в этой молитве, в этом молчании, в этой Божьей тишине.

…Вот я прикасаюсь к тебе, к глазам твоим, к щекам, к губам. Чувствуют ли меня твои губы, узнают ли меня? Узнают ли меня твои руки, пальцы, глаза? Слышит ли душа твоя, как поет ей моя душа песнь любви? Вот мы уже совсем-совсем вместе, совсем слились, совсем *единое*…

Как я хочу к тебе, как хочу к тебе, как соскучилась, как все во мне устремлено к тебе. Мне кажется, что меня нет здесь, нет со мной, потому что вся я – *там*, с тобой, у тебя, твоя.

И Свет возвращается. Он, правда, смешан не с радостью, а с грустью, но все-таки он – Свет. А что важнее – Свет или радость? Наверное, Свет. Но, с другой стороны, радость всегда бывает в Свете, а Свет может быть и без радости.

…Ну что ж – все, как я хотела. Светлый день. Тихий день. Мягкий, бессловесный день. Утром было еще немножко мути, а теперь все это ушло. Все омыто морем, овеяно небом, наполнено прозрачностью и тишиной. Хорошо. Хорошо лежать в траве, глядя в небо, хорошо слушать тишину. Хорошо отдаваться ей и морю. И тихонько мечтать при этом о «маленьких бесконечностях» – о том, как ты опять прилетишь неведомо откуда и будешь лежать рядом в траве и глядеть в небо. И будет так же тихо и так же нежно, и такое же оно будет высокое. И так же медленно будут плыть в нем облака. Где-то среди них и наше облачко – мягкое облачко,

прозрачное облачко. Спасибо тебе, любимый. И облачку спасибо. И тополю. И гусенице. И траве у моря. И всем, и всему. Тихо здесь. Тихо и п*о*лно. Всё истончаются и истончаются наши ниточки, но не меньше становятся, а тоньше. Люблю ли? Люблю ли я Тебя! Тебя – беспредельного, безграничного, бесконечного! Тебя – в небе, в море, в воздухе, в возлюбленном моем! Люблю ли я Тебя, Господи!..

А ночью пришел этот жуткий сон, сон-кошмар, в котором я была мерзкой, и проснулась от отвращения к самой себе.

С чего все это началось?.. Не помню начала, но помню, что почему-то мы втроем с этой женщиной и этим парнем решили принять яд. Зачем? Почему? Не помню, ведь там, во сне, мы не были в горе или в отчаянье. И женщину и парня я не помню. Кто они? Я не знаю их. Вернее, знаю, что знакомые, но не близкие мне люди. Почему мы решили, что так будет лучше, что это целесообразно? В этом не было элемента самоубийства, было все как-то сумрачно, но не трагично, а скорей, по-деловому и даже не очень страшно. И вот сначала в ту комнату вошла женщина и вышла оттуда, уже выпив отраву. Потом вошел парень и тоже выпил свою долю. Теперь они уже обречены, они не могут умереть, не могут раздумать. И наступила моя очередь. А я чувствую, что *не хочу* умирать, что боюсь идти туда, в ту комнату, и что я вообще перестала понимать, зачем мы это делаем. Я передумала это делать, я считаю, что это было неправильно. Но ведь те двое уже приняли яд. И значит, я должна тоже, иначе они умрут, а я – предатель – останусь. Надо уговорить их, что это бессмысленно. А женщина сварливо и по-базарному кричит, чтобы я шла и сделала это, ведь они же сделали. Она права, и мне стыдно и страшно, и какой-то неотвратимостью наступает та комната. Парень пожимает плечами. Ему все равно, умру ли я вместе с ними. А я продолжаю искать выход. Я очень не хочу той комнаты. Бегу куда-то к администратору и спрашиваю, можно ли еще спасти их, и когда начнет действовать яд, и есть ли лечение, противоядие. Администратор отвечает, что жить им еще несколько дней, может быть, недель. Что лечение есть, оно займет две недели. И я уговариваю их лечиться. А женщина отказывается и требует, чтобы я тоже приняла яд, а потом будем лечиться вместе… Как все это ужасно и неотвратимо, и сама я ужасна и отвратительна. Потому что больше всего мне хочется спасти себя, найти возможность не умирать, но и не мучиться от собственной подлости. А судьба тех двоих для меня уже вторична. Мне нужно найти выход, спасение, а я понимаю, что выхода нет, что умирать придется, придется пить этот яд зачем-то… И тут – пробуждение.

Сначала я не поняла, где я. Потом поняла, что стало светло. Потом, что не надо идти в ту страшную комнату, что выход нашелся. И только после всего этого поняла, что это был сон. И что теперь можно надеяться, что я не такая подлая. Ответственен ли человек за свои поступки во сне?..

Я знаю, этот сон – наказание мне за эгоизм, за то, что вся моя жизнь – служение самой себе. Все для себя, ничего для других. Вот как я живу. И при этом смею говорить о полетах, о воссоединении. Так мне и надо.

Все, что было в моей жизни, было – мне. А что от меня было? Мне были все дары – небо, цветы и деревья, твоя любовь, любовь Бога, чудеса, Его милости, забота и пощада, спасение близких и помощь друзей. Мне был дарован рай. А что было от меня в ответ? Что было от меня Богу в ответ на Его ласковую любовь? И что могло быть от меня, маленькой, Ему – великому и бесконечному? Только любовь и преданность. Только одно – принятие Его даров. Только одно – не отказываться от Его даров ради ничтожных земных подарочков. Только это и могло

быть от меня ответом. А я не смогла и этого, я не сумела. Я все брала, все принимала, а от меня Ему не было ничего, ничего, ничего! Как же мне горько теперь сознавать это!

Бог улыбался мне во мне. А я – я отворачивалась и кусала кислые яблочки.

Теперь-то я знаю, что делать и как жить. Но, может быть, уже поздно. Бог искал меня, а я ждала – чего ждала я? Бог искал меня, а меня просто не было дома!..

Мне грустно и горько. Пока все у меня хорошо. Я не в больнице, я у себя дома. Страха во мне нет как будто. Только грустно. И замкнутости нет, и свет есть, и то, что я зову «третье измерение» или «выход на Бесконечность». Все это есть у меня. И Тишина звучит. И Молитва не умолкает. И звенит насыщенностью и полнотою воздух нашего Дома. Но все-таки грустно. Ну и погрустим. Небо ведь тоже бывает и грустным, и тревожным, и мрачным, и даже грозным.

Мне стыдно за себя. Я устала. Я хочу спать. Лучше уйду снова в сон. И пусть он возвратит меня в Свет…

И сон приходит. Но он чудовищный.

Умирает незнакомый человек. Мы его хороним. Страшные и странные похороны: он еще жив. И мы, все, кто пришли, должны с ним попрощаться – как прощаются с живым при разлуке.

Сейчас я подойду к нему… Так надо, и я пойду. Ведь другие идут.

И он должен проститься со всеми, а потом уйдет и ляжет на какое-то ложе, где его накроют простыней. И только тогда свершится смерть.

Это сон не о смерти. Это сон о разлуке, ведь именно она – сущность смерти. И, как чаще всего во сне, все чувства преувеличены, доведены до максимума. Разлука кажется мне непереносимой. Я уверена, что физически не выдержу ее, что я должна умереть вместе с ним, и кроме страха, тоски и отчаянья чувствую беспокойство и бессилие, оттого что не умираю и не знаю, как это произойдет.

Подхожу все-таки к нему, но – о ужас – это вовсе не тот незнакомый мужчина, который был сначала!.. Это любимая моя, близкая моя, самая лучшая, самая дорогая, самая главная моя подруга. Это она прощается со мной. Добрая, ласковая, она говорит со мной заботливо, нежно, как с малым ребенком, жалея не себя, а меня только. Мое горе, мое отчаянье, осознание невозможности принять то, что происходит, вспыхивают безумным пожаром. Я не могу ее отпустить! Она уговаривает меня, а во мне все рвется от горя и муки, – вот сейчас порвутся все жилы, и пусть порвутся!.. Но они не рвутся. Они не рвутся потому, что я *сама* должна отпустить ее, чтобы она ушла на это ложе под простыней…

Даже сейчас у меня сдавлено горло и сердце колотится как сумасшедшее, – даже сейчас, а во сне… Как можно было выдержать это? Почему я не умерла, почему?!

Проснулась. Утро после тяжелых снов начинается без Света. Вижу свой утренний тополь. Слышу его тишину и молитву. Вижу недвижность его. Молится тополь. Молится море. Молится утро. А во мне нет молитвы. Я не участник этой светлой тишины. Что же мне делать?

⁂

Страшные сны снятся мне теперь все время. Я не помню их почти никогда, но просыпаюсь тяжелая, больная, уставшая. И медленная, протяжная, тягучая и тягостная тишина без начала обнимает меня.

Что-то такое снилось мне и сегодня, какие-то мысли о насилии и убийстве будоражили во сне. И что-то смутное помнится. Почему-то застряло во мне слово «нельзя». Нельзя, невозможно. Нельзя прийти к счастью, сея горе. Нельзя бороться за мир, убивая, воюя. И поэтому нельзя оправдать ни одну войну, ни одну революцию, ни одно восстание, ни один мятеж. Не может быть праведной войны, потому что война не бывает праведной. Не может быть добра от самого справедливого мятежа, потому что убийство не бывает добром и не может нести добро. Гражданская война – это ужас, это кошмар, это брат убивает брата. Но и любая война – это ужас и кошмар. И братья, говорящие на разных языках, все равно братья. И мы убиваем людей. И не самых плохих, – наоборот, гибнут лучшие, значит, мы убиваем лучших. Но дело не только в этом, дело в том, что даже если бы мы убивали только плохих, все равно это убийство было бы злом, и обернулось бы злом, и принесло бы зло непременно… Да, именно что-то в этом роде я вещала во сне сегодня.

Но ведь это наивно, и это знают все. Только в ранней молодости или во сне можно так загореться от этой азбуки. А я всерьез волновалась, как с трибуны или на диспуте. Возражала сама себе, что войны и революции бывали прогрессивными и несли людям добро. И тут же – наоборот, что любое конкретное историческое событие, несущее даже самое явное добро, но посредством насилия и убийства, приносило не только добро, но и зло. При этом то добро, которое оно принесло, было предельным, измеримым и временным, а зло – беспредельным, неизмеримым и, во времени – как минимум на порядок превышающим добро.

Когда-то эти мысли были своевременны, они волновали многих. А сейчас? Сейчас они стали азбукой? Не все, наверное. Не стало азбукой померанцевское «Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за правое дело»[5]. Все теракты совершаются и сегодня с этой пеной и во имя так или иначе понятого правого дела.

Когда-то я спрашивала: «Ну хорошо, то, что случилось у нас в стране, – случайность или закономерность?» Теперь-то мы знаем, что это закономерность. Закономерность, что человек, владеющий оружием, убивает. Закономерность, что человек, имеющий власть убивать, убивает. Закономерность – НИИ, работающие над созданием штаммов массовых болезней. Закономерность, что человек начинает с мечты о всеобщей справедливости, а кончает убийством своих же товарищей. Все это происходит постепенно. Как найти ту границу, за которую нельзя переходить? Почему можно убивать в бою и нельзя – пленных? Почему можно убить безоружного пленного и нельзя – своего товарища, если тебе, например, нужна его лошадь! «Боливар не выдержит двоих»[6]. И вообще – как тут остановиться? Если рука уже научилась нажимать курок, а ты не научился умирать вместе с убитым тобой человеком.

Сейчас многие понимают, что убийство и насилие не могут привести человечество к добру. То маленькое, ничтожное и временное добро, которое они могут принести, тысячу раз

[5] *Г. Померанц.* Сны земли.

[6] Из фильма Леонида Гайдая «Деловые люди» (1962), снятого по мотивам рассказов О. Генри.

перечеркивается тем бесконечным и вечным злом, которое они порождают, развращая наши души, развращая человечество, порождая будущие убийства и насилия. Ни один выстрел не может быть оправдан. Ни один. И даже если бы передо мной поставили Сталина или Гитлера и сказали бы: «Убей его», – я не стала бы убивать. Потому что, убивая одного Гитлера, я тем самым порождаю много маленьких гитлерят.

Стоп. Вот, кажется, я поняла. Поняла, почему это снилось мне и мучило меня во сне. Это все тот же Тимоти[7], которого я жалела, когда 11 июня 2001 он шел по смертной дорожке под одобрительные взгляды миллионов телезрителей. Ровнехонько через три месяца после казни Тимоти, 11 сентября 2001 года, весь мир был потрясен самым крупным в истории человечества террористическим актом. И весь торжествующий разгул терроризма был после.

Ну а как же быть, если это строго необходимо, жизненно необходимо – вот в данный момент убить данного человека? Как быть с возгласом Алеши Карамазова: «Расстрелять!»? Я понимаю Алешу, и я в тысячу раз нетерпимее этого Алеши. И может быть, я бы тоже воскликнула: «Расстрелять»! Но это ничего не отменяет. И если бы я попала на фронт и стреляла бы в людей, это тоже ничего не изменило и не отменило бы…

⁂

И все-таки мне стало лучше. Не знаю, потому ли это, что очередной цикл дошел до своего апогея и теперь наступила краткая передышка и начала накапливаться новая волна отчаянья и страха, или действительно будет лучше, – только сегодня все легче. Во-первых, я не помню ни одного кошмарного сна, хотя и просыпалась ночью два-три раза. Во-вторых, за весь день не было ни одного взрыва, и, в-третьих, вся я какая-то другая, не такая напряженная и помертвевшая. Могу даже сказать, что сегодня я нормальный человек, с нормальной способностью общаться с людьми.

Ни одного сна-кошмара не помню, кроме лица Достоевского. Утром помнила, а сейчас – полный провал. И только его лицо – желтое, бледное, покрытое потом или испариной.

Может быть, я все-таки не совсем окончилась? Может быть, я еще поживу? Потому что разве окончившиеся любят? И разве могут они хоть на мгновенье услышать тишину и увидеть деревья в парке и небо после дождя? Может быть, меня не совсем еще исключили из школы любви?

И ведь я летала во сне! Не помню точно, когда это было. Полетала и забыла. И не помнила. А сейчас вдруг вспомнила. Это было недавно, может быть, позавчера или две ночи назад. Я летала совсем низко над землей, так что можно было стать на ноги, если бы захотела. Но я не становилась, а все-таки летала. И во сне помню это ощущение: но ведь я лечу, значит, я не разучилась летать, значит, я умею. Хорошо, что вспомнила. Ведь если я летала в свой самый трудный час, то это дает некоторую надежду…

⁂

Что это было? Еще одно видение? Сон?

---

[7] *Маквей Тимоти* – организатор крупнейшего до 11 сентября 2001 года террористического акта на территории США. Был приговорен к смертной казни, которая состоялась 11 июня 2001 года.

Я – девочка XV века. Беседую с женщиной из века XXI и спрашиваю у нее, как в XXI веке называется эта улица, а она отвечает – то ли Торжковая, то ли Отрожная. И это так естественно, так буднично, но и так нереально тонко, что я понимаю: оно нематериально и отлетит легко. Оно только и может быть в этом мире, где живет бестелесное, а в той нашей реальной жизни ему слишком грубо…

И вдруг так ясно вспомнилось: я не впервые в этом мире. Я бываю здесь часто. Попадаю сюда легко и легко возвращаюсь. Но как? Не знаю этого. И почему потом забываю? Как же это случилось, что мне выпало такое? Не ошибка ли? Не случайность ли? А вдруг судьба спохватится, опомнится и все переменится? Это было бы страшно. Но ведь память о том, что уже бывало со мною, останется?.. А может быть, это бывает со всеми, только не все потом вспоминают? Или думают, что это было во сне? Нет, это не сон, это что-то другое. Сон – это если я вижу себя и то, что со мной или с кем-то другим происходит, а здесь – не видения, здесь – воплощение, но воплощение бестелесное. Здесь мы летучи, как влюбленные. И души не расстаются с телами, потому что они – одно. И только потом, возвратившись в реальность, наши души воспаряют из наших тел, потому что им становится неуютно… И тогда… «В дверь мою никто не стучится, только зеркало зеркалу снится, тишина тишину сторожит…»[8] Боже мой, Анна Андреевна, вы знали?!

⁂

А моя зазеркальная комната живет в это время своей жизнью. Кто-то бродит по ней, кто-то спит или обедает, кто-то вообще уходит вдаль, в то зазеркалье, которого я не вижу уже из своей бруклинской квартиры. Вот и сейчас…

Проснулась и пришла ко мне в комнату моя тетя. Просто спокойно перешла из зазеркальной комнаты, и теперь мы беседуем с ней о всяких маленьких житейских делах, и я, как когда-то, когда мы еще жили вместе в Одессе, развлекаю ее, любимую, беспомощную, беззащитную. Помнит ли она, что с ней было? Знает ли, где она сейчас? Жалко ее очень. И всех стареньких жалко. Хотя я ведь уже и сама …

Вот и ты оттуда пришел ко мне. А туда? Как и когда ты попал туда? Ах, какая разница, если ты уже здесь!..

Ты забери меня скорей в свое *колечко*. Ты мне мама и папа, ты – мой дом, моя родина. Это не обидно маме и папе – что я тебя так называю. Ведь ты моя половинка, а я твоя. И когда мы встретились, мамы и папы уже не было на земле. А может быть, они, видя, как мне одиноко, сиротливо и плохо, пожалели меня, захотели ко мне вернуться и вошли в тебя, мою половинку. В кого же еще им было войти? Кто еще смог бы вместить их любовь ко мне? И ты стал еще немножко и моими мамой и папой… Забери же меня к себе!

Ты нужен мне. Ты мне нужен. Нужен, как сама жизнь. И как ведущий в этой жизни. Ты нужен мне, как то самое главное, то бесконечное, что делает нашу жизнь причастной Космосу, и как сам Космос. Ты нужен мне для молитвы, для тишины, для пустоты, для Бога. Нужен где-то на такой глубине, что я не знаю, как сказать об этом. И эта нужда такая великая – больше человека, больше человеческой жизни.

---

[8] *А. Ахматова.* Поэма без героя.

Ты нужен мне еще и по-другому. Нужен каждое мгновенье вечности, ты каждое мгновенье вечности нужен мне, потому что каждое мгновенье что-то происходит внутри или снаружи, что-то видится, или думается, или чувствуется, – и поэтому ты нужен мне.

И еще ты нужен мне для каждой мелочи. Чтобы держать тебя за руку, выполняя свои дела и обязанности, принимая лекарство или слушая прогнозы врачей. И прятаться за тебя, надеясь на твою защиту. И жаловаться тебе. И рассказывать. И советоваться. И думать. И делать открытия.

А сейчас, когда впереди это страшное, – ты представляешь, как ты мне нужен сейчас!.. Как хотелось бы мне поспать или поплакать у тебя на руках. Ты не отходи, не отплывай, не отлетай от меня.

⁂

Небо за окном моей комнатенки – серое, тяжелое, зимнее, сумеречное. И еще небо – за этим видимым небом. И снова, и снова небо, которое уже не небо, а космос. И оно уже даже не серое, а темно-синее, исчерна-фиолетовое. А в этом космосе мы – крохотные, малюсенькие, затерянные на нашей планетке. Мы тянем друг к другу руки, но мы – не вместе, это только руки, наши руки тянутся и соединяют нас, чтоб совсем не затеряться в то ли враждебном, то ли равнодушном пространстве…

Но, видимо, в это время ты услышал меня в своем далеке и позволил мне прислониться к тебе, а может быть, погладил по голове. Я не знаю, что ты сделал, но ты непременно услышал меня. Потому что все изменилось. Планета осталась. Космос остался. Но все изменилось, изнутри осветилось и перестало быть страшным. Вместо страха пришел покой, и улыбка в себя, и Свет. И теперь уже можно парить в этом космосе, не думая о его враждебности или равнодушии… Но тут я уже не умею сказать словами. Только знаю, что это – сделалось. И сделалось потому, что в сером небе за моим окошком, и в том, другом небе, и во всех небесах, и в космосе вместо тебя и меня, тянущих друг к другу руки, стало что-то совсем другое, стало то, что мы зовем словом *мы*.

⁂

Посиди со мной. Соскучилась по тебе очень. Сегодня ты являлся мне как во сне. Я видела то руки твои, то улыбку… Как ты думаешь, когда я тоже развоплощусь, останется наша нежность, любящая наша нежность, как здесь была – на земле? Как ты думаешь?

Ты помоги мне, помоги. Я знаю, что мне нужно и можно помочь. Ты помоги мне подняться и выдержать, помоги не бояться, а принимать.

А как другие люди в таком положении? Им тоже трудно, страшно и мучительно, но они не думают о себе, да? Ты-то не так, я знаю. Ты очень высоко, мне не достичь такой высоты. Я иногда в повседневности забываю, как ты действительно высоко. Без натуги, без рисовки. Просто и естественно. Очень высоко – и при этом *дома*. Помоги же и мне, пожалуйста…

⁂

Говорить о другом сейчас нельзя, а говорить об этом нельзя тем более. Говорить об этом что бы то ни было – святотатство и пустословие. Поэтому я молчу. Скажу только, что я верю Богу и вверяю Ему себя. Во мне нет ни ропота, ни лихорадочного нетерпения узнать или действовать. Все будет так, как предначертано Богом. Я не знаю, о чем конкретно просить его. И я прошу Его не оставить меня. Вернее, не дать мне оставить Его. И еще я прошу для всех людей на свете, чтобы Он помог нам, чтобы Он хранил в нас жизнь до самой смерти. Ты понимаешь, о чем я прошу? Пока мы живы, пока есть жизнь в нашей плоти, пусть хранится в нас жизнь Божья, жизнь с Богом. Пусть до последнего часа живет и растет душа. Пусть будет так. И пусть в нас хватит сил душевных и физических выполнить весь свой земной долг. До конца…

Это только звучит многословно и высокопарно, а на самом деле все просто. Стараюсь, хочу и прошу помощи, чтобы жить, пока жизнь не кончится…

Ну какая разница – что происходит? Ну какая разница – что именно, если все равно нет того единственного, что мне сейчас нужно. А что мне сейчас нужно? Чтобы взял на руки как маленькую и понес впереди себя, как ребеночка на руках, чтобы укутал в одеяльце и приговаривал надо мною нежные детские ласкающие слова, успокаивающие не смыслом, а голосом, говорящие не о том, что могут услышать другие, – если услышат случайно, – а о том, что руки твои – Дом, гнездышко, мама, надежность, что они никогда не оставят, не покинут, не отпустят. Им никогда не станет в тягость их ноша, они – я, вернее, я – их, я – для них. Но ведь это баловство, это дерзость хотеть такого, такого не требуют, его принимают в дар; а ты ведь и даришь, даришь охотно, вольно, – значит, все-таки все хорошо, все в порядке? И можно быть *дома*? И петь или слушать колыбельную песню, и любить, и дышать любовью твоею, и купаться в любви и нежности, да? Да?..

⁂

«Я к смерти готов». Так сказал мне мой мальчик, когда пришел его час. «Я к смерти готов». И уходил спокойно, достойно. Не со страхом, а с любовью к нам, остающимся. И еще с чем-то, чего я пока ни узнать, ни осознать не умею. Он был готов к смерти. Он, младший, был к смерти готов. А я? Нет, я не готова. Я старшая, но не готова.

Мы не можем отвечать за то, что происходит с нами не по нашей воле. И если происходит страшное, то не обязаны ли мы принимать его, как принимали все прекрасное, все чудеса, которые творились с нами?..

Я твердо знаю одно. Если что-то происходит с нами, значит, так надо.

Глава 2. Ре

Осенний холодок. Пирог с грибами
Калитки шорох и простывший чай.
И снова неподвижными губами
короткое, как вздох: «Прощай, прощай…»

«Прощай, прощай…»
Да я и так прощаю
все, что простить возможно, обещаю
простить и то, чего нельзя простить.
Великодушным я обязан быть.

‹…›

…Прощаю побелевшими губами,
покуда не повторится опять –
осенний горький чай, пирог с грибами
и поздний час – прощаться и прощать.

Булат Окуджава

Я скажу это начерно, шепотом,
Потому, что еще не пора:
Достигается потом и опытом
Безотчетного неба игра.

Осип Мандельштам

Я чувствую, как что-то робко касается меня, и боюсь шевельнуться, чтобы это не спугнуть. Что-то, что мне незнакомо уже давно, – что-то похожее на радость.
Жан-Поль Сартр. Тошнота

Что-то происходит с моей душой все это время. Чувствую, что происходит что-то, но не знаю что. Чему-то она учится. Растет ли она? Не знаю, может быть, и не растет, ведь не летает. Может быть, делается мудрее, суровее, добрее. Может быть, очищается от чего-то. Может быть. Не знаю. Узнаю ли? Поживем – увидим… Если поживем…

Почему же все-таки Молитва и Тишина так долго не приходят ко мне, а если приходят, то как-то неуверенно и робко? Я боюсь вспугнуть их и потому так опасаюсь *любых* слов. Я боюсь, что вместо Тишины будут слова о Тишине. Что будут петь о Тишине, свистеть о Тишине, кричать о Тишине, шуметь (!) о Тишине, а Тишины не станет…

А может быть, для того и существует поэзия, чтобы можно было и чем-то материальным (словами, звуками) Тишину передать? Или, иначе, может быть, поэзия – это Тишина, переданная словами? Словами удержанная, остановленная…

…Дождь прошел и окончился. Сейчас все мокрое и успокоенное. Голубка сидит на верхушке столба. Деревья покачиваются утомленно. Облака на небе, только что пролившиеся ливнем, сейчас светлые, бестревожные.

Я живу в каком-то странном состоянии – то ли полудремы, то ли отрешенности какой-то. Порой бывает очень хорошо. Это – Молитва. Жизнь – молитва. Жизнь в молитве. Порой бывает очень плохо. Это когда тревожно, или страшно, или тоскливо. А бывает и вот такое полуоцепенелое состояние, когда вся жизнь уходит куда-то в такую в глубину, что снаружи ее и заметить трудно. Тогда не хочется ни читать, ни думать, а только молчать, ничего не делать или делать что-нибудь, не требующее ни физических усилий, ни душевных. И при этом я вовсе не сплю (хотя бываю и сонная от усталости, боли или жары), при этом во мне теплится тоненький-тоненький светлый и нежный лучик то ли молитвы, то ли просто нежного умиления какого-то. Есть что-то от блаженного в этом состоянии, но это не оно. Я даже не знаю, здоро-

вое оно или болезненное. Может быть, все-таки нездоровое; может быть, это проявление моей болезни, усталости и слабосилия души на общем фоне светлого, и святого, и очень Божьего праздника… Не будь такого праздника, болезнь разрослась бы, разгорелась, а так, в праздник, проявляется вот этим нежным и слабым лучиком… А может быть, это и не болезнь вовсе, а что-то хорошее. Какое-то перерождение души…

⁂

…Вот и открытие, только очень крохотное.

Мечтаю с утра об уединенной прогулке к морю. Выхожу на улицу и вижу, что прогулки не будет: скользко, гололед да и сил не хватит. Мне бы огорчиться, а я вместо этого засветилась радостью, потому что поняла – озарением: не имеет значения, сбудется ли то, о чем мечталось. Отказаться, не замутившись душою, так же радостно и прекрасно, как осуществить. От всего отказаться и от жизни самой… Ты должен понять и услышать, ведь это ты меня этому учил. Учи меня дальше, любимый, учи, я хочу учиться. Потому что знаешь, что я шептала сегодня утром по дороге на прогулку?.. «Неужели после этого Света, после этого Божьего праздника я смогу еще бояться болезни и смерти? Да ни за что на свете!»

⁂

Мы впускаем в нашу комнату Баха. Теперь все будет иначе. Не событийно, конечно, а внутри. Мы вернули в нашу комнату Баха. Теперь не может быть, чтобы не вернулось все остальное. Оно уже и начинает возвращаться. Я это ощущаю…

Почему в душе – Свет? Потому что Бах играет? Потому что музыка Баха – важнее и больше всех бед, болезней и неприятностей? Потому что не может не быть Света, когда есть музыка Баха?..

У нас Месса си минор… И что-то еще – что не разговор, не мысль, не мечтание, не воспоминание, а… просто сижу, ничего не делая, ни о чем не думая, потому что вся – не здесь, вся с тобой, вся – там, вся вместе, понимаешь, понимаешь?.. А сейчас – месса. В душе – месса. Душа – месса.

Почему, ну почему я не могу переслать тебе те звуки, ту мелодию, ту музыку, которая звучит сейчас в нашей комнатке, и во мне, и в душе моей?.. И выпевается вместе с пластинкой, которая поет ее мне, а я – ей… Тебе… Нам… Почему я не могу выпеть ее так, чтобы ты услышал, почему? Молитву, рождаемую этой музыкой, Тишину и Бесконечность, в которые она увлекает, – все это я могу передать тебе. Ты легко… услышишь? Примешь? Нет, со-переживешь, не «пере», а просто со-живешь, заживешь со мною. *Там* в тебе родится такая же наша молитва, и я понимаю, что это главное; а мелодия… И все-таки, как мне хочется, чтобы твои уши слышали это вместе с моими ушами, чтобы не через меня, а вместе со мною ты слышал музыку Баха…

Как возносит, как высоко он уносит нас!

Зачем же душа ждет, чтобы он коснулся ее и вознес? Почему сама не живет всегда там, куда так радостно устремляется, стоит только этой высоте коснуться ее?

Какое странное сочетание! Как это вообще может происходить вместе – все это. Бах, звучащий в комнате, Бах, зовущий, призывающий, уносящий в осязаемый, видимый фиолетовый Космос, прикасающийся своей бесконечностью к малости моего тела и взволнованности моей души. Эта взволнованность насыщена высотой и патетикой, жаждет поэтических бесконечных цепочек древнегреческих гекзаметров или вязкой тягучести органа, начинающейся здесь, но нигде не кончающейся. И это белесое тусклое будничное небо за окном моего двора, который (я ведь помню это!) бывал частицей Баха и Космоса, а сейчас – только двор, только подворье земного обиталища, где пыль и мусор, будни и суета…

Душа раздвоилась? Устала жаждать? Заболела? Умирает? Но она же бессмертна. Утомилась от напряжения жизни? Или это просто конец зимы? Все еще спит, все кажется мертвым… Но почему, стоит только глянуть в окошко, – и вздрагиваешь от прикосновения душ голых зимних «мертвых» деревьев, стоящих на моем земном подворье. И моя душа раскрывается в ответ их душам, исполненным любви и смирения, молитвы без мольбы, внимающим Баху вместе со мной и вместе со мной слышащим эту музыку? И они обнимают друг друга, и в их диалоге нет ни тоски, ни усталости, ни смерти, ни страха быть понятым неправильно или недостаточно…

Какое странное сочетание смерти и жизни, полноты и пустоты, мелкости и бесконечности. И все это – я? Все – во мне, во мне?

⁂

Отдыхаю от боли. Дважды засыпала, и что-то хорошее, легкое, летучее снилось, даже не снилось – виделось. Где-то я была, где-то жила душа моя, где-то летала, пока тело спало, освобождаясь от боли. И было хорошо и летуче…

Тревожиться не надо. Страха нет, и тоски нет. Ничего темного, ничего мрачного. Ни потолков, ни перегородок.

И облачко наше плывет в Тишине.

С облаками хорошо играть. Например, прыгать с одного облачка на другое. Это игра детская и веселая.

Или войти в одно из них, да там и остаться. Облака ведь бывают разные. Можно войти в облачко любви. Тогда вся твоя жизнь станет любовью. Не к кому-то одному, а просто любовью. И воздух, которым ты будешь дышать в этом облачке, будет любовью. Ты будешь вдыхать любовь и любовь выдыхать…

Или в облачко-ожидание. Тогда ты ни за что не согласишься принять за настоящее какую-нибудь подделку, а будешь всю жизнь стоять на берегу, как Ассоль, и вглядываться в синее море: не приближается ли наконец твой корабль с алыми парусами…

Или в школьное облачко. И тогда всю жизнь ты будешь учиться, учиться. Доброте… Терпимости… Сочувствию…

Но чему бы и как бы ты ни учился, рано или поздно все равно придет твой черед, твой последний исход, самый главный…

Облака плывут, облака,
На закат плывут, на восход…
Вот и я плыву на закат,
Вот и мой черед, мой исход[9].

А почему облако летает безусильно? Почему птица умеет уставать, а облако нет? Это потому, что птица *делает* свой полет, она должна что-то делать. А облако не делает ничего, все *делается с ним*. Нельзя устать от того, что с тобой делается. Можно устать только от того, что делаешь сам. И от любви устать можно только от той, которую *делаешь*. А от той, которая делается с тобой, устать нельзя, ведь правда?

Конечно, мне могут сказать: птичий полет лучше. Птица взлетает, когда хочет, сама управляет своим полетом, направлением, высотой. Она ведь сама все делает. А так – сиди и жди, когда оно с тобой сделается, да и сделается ли вообще. И как же ты пассивен и беспомощен при этом!

Так ведь что движет облаком? Ветер, движение воздуха – то главное, что есть в том Царстве. А что поднимает нас в воздух, рождает наш полет, направляет его? То главное, главнее чего не бывает. Неужели ж нам нужна своя воля, неужели мы станем противопоставлять Его воле – свою? Неужели мы хотели бы взлететь против Его воли? Бывает, что так хочется полететь, а сделать ничего не можешь: надо, чтоб само сделалось, то есть, чтоб Бог захотел. Правда, это тоже не совсем так. *Сделать* ничего нельзя, но можно стараться быть такой, чтобы оно сделалось, можно помогать Богу…

> Вот так я думаю-думаю, лежа на песке и глядя на плывущие надо мной облака, и вдруг чувствую, что ты лег рядом. Откуда ты появился? Слетел с небушка? Не знаю, – ты так тихо появился, просто проявился из воздуха, из ничего, и лег рядышком. Я знаю, что нельзя открывать глаза, иначе все исчезнет. Но я точно знаю, что ты – рядом, и лицо у тебя смущенное и чуть-чуть виноватое, дескать, вот я, вот такой неказистый, конечно, но ты же меня принимаешь. И, не открывая глаз, я поворачиваюсь к тебе и протягиваю руку, чтобы ты мог положить на нее голову. Ты кладешь. Мы молчим и ничего не говорим, не двигаемся, даже не шевелимся. Только слушаем море и друг друженьку. И наступает Тишина. И твое присутствие, такое осязаемое и такое бестелесное… И вот так, не шевелясь, не двигаясь, не меняя позы, мы взлетаем. Я даже не заметила момента взлета. Просто вдруг оказалось, что мы уже летим, даже не летим, а лежим в воздухе, как лежали бы на траве или на песке. Лежим в воздухе. Я на спине, с головой, повернутой к тебе, ты на боку, положив голову мне на руку. Лежим и медленно плывем. Вокруг нас – воздух. И под нами. И над нами. И везде…

⁂

…Значит, Иисус молился без слов. И ни о чем не просил в молитвах? Значит, то, что я называла молитвой, *было* молитвой? Значит, священник, который объяснял мне, что это плохо, был неправ? Но тогда была права я. И мои молитвы без слов, молитвы-состояния,

[9] Юлий Ким.

молитвы-любовь были молитвами и были слышны. И совсем не нужно обуздывать себя словами, если только они не льются сами… Но ведь это же хорошо, даже представить себе невозможно, как это хорошо!..

А что будет завтра или через несколько часов? Не знаю. Может быть, снова буду летать, а может, тосковать и ползать по земле или корчиться от боли…

⁂

Стою на балконе своей квартиры. Надо мной закатное небо, вокруг меня – платаны и тополя, внизу – осенняя Молитва. Все это – как дзенская икона, во всем – присутствие Бога. Я смотрю на все это, причастная всему этому, и думаю: а раньше, а тогда, когда *для меня* этого *не было*, потому что я не видела этого, а видела просто небо, просто деревья и землю, в то время, безмолитвенное для меня время без Молчания и Тишины, все это – Тишина, Молитва – оставалось здесь, рядом со мной. Вокруг меня. Они были тогда, потому что они есть, то есть *всегда есть*. Но в те дни я не могла воспринять их, потому что хоть они и были здесь, однако в недоступном для меня измерении. И вот случилось чудо. И то измерение стало доступно мне. И я восприняла их. Так, может быть, наступит момент, когда мне станет доступно еще много других измерений? И тогда я смогу воспринять то, что сейчас недостижимо для меня, о чем я и не догадываюсь? Может быть, вокруг нас много-много миров, а мы не знаем о них. И не сталкиваемся с ними, как я не сталкивалась с Тишиной, пока не вышла в ее измерение. Касалась ее непрерывно, но не знала об этом.

Видимое и невидимое. Невидимое становится видимым. Вернее, это мы начинаем видеть невидимое.

Мой мальчишечка рассказывал мне, что в современном нам мире где-то живет какое-то очень древнее, чуть ли не первобытное, племя. Когда его нашли исследователи, то, расспрашивая людей племени об их жизни, спросили и о самолетах, которые все время пролетали над их поселением. Оказалось, что эти люди просто не видели и не слышали никаких самолетов. Для них самолеты не существовали. Конечно, они ничего не знали о летающих машинах, но могли принять их за птиц или каких-то чудовищ, – однако они их просто не видели – никогда. Не могли воспринимать, как мы не можем воспринимать иные измерения, иные миры, которые нас окружают и остаются невидимыми. До времени, может быть?

Наверное, это известно всем. Но сейчас я ощущаю это как таинство, при котором нечто есть, хотя его нету. Оно есть, и его нет. И в этом нет ни ошибки, ни парадокса. Огромное большинство явлений одновременно и есть, и отсутствует в мире. Я ощущаю измерения, куда проникают или не проникают люди и события. Не надо лететь в космос в ракетах и звездолетах, а надо открывать все новые и новые измерения. Не на других планетах надо искать иные миры, их надо искать здесь. Как Тишина всегда была здесь, но не воспринималась мною. Только мы не можем выйти в их измерение, а они в наше. И Бог, о котором мы знаем, что Царство Его внутри нас, Бог тоже всегда есть в нас, но мы не всегда способны выйти в нужное измерение…

Это у Паустовского, кажется: «Неуловимый сон, что-то, что было и чего не было»…

Ну и что, что этого не может быть, оно же есть! Вот ведь и этого не может быть тоже, а я вижу, вижу!

> Ты идешь мне навстречу по аэропортовской дорожке. Долго идешь – легкий-легкий: иногда при каком-то шаге кажется, что взлетишь. Я уже у заборчика-решетки, а ты все идешь и идешь. Подходишь к решетке, и мы здороваемся. Я протягиваю тебе тюльпаны. Какие тюльпаны? Зима же. И кроличья шапка твоя съехала набок. Ты смущаешься, принимаешь тюльпаны. Так и идем теперь рядом. Я улыбаюсь, а ты нервничаешь, что нет билетов на обратный рейс…

И этого не может быть, но есть же:

> …Вот шли, вот ступали. И была под ногами земля. Вот ведь только что, и вдруг… Как это? Где тот плавный переход – еще шаг, еще… А вот уже нет земли под ногами, и вот летим… Как это начинается? Когда? Не упомнить, с какого момента, да и какая разница. И что за печаль, что не помню событий, подробностей. Главное-то, что оно не окончилось, оно есть, это небо – не солнечное и не сумрачное, не ночное и не дневное, может быть, это совсем не то небо, которое люди привыкли видеть с земли. Оно не синее, не голубое, не черное, не серое. Оно серебристое и светлое-пресветлое, но не ярким, а очень мягким, очень нежным светом. И в то же время, оставаясь светлым-пресветлым (светлее не бывает), оно еще и такое, какое бывает ночью. Не темное, нет, хотя в нем есть оттенок ночного неба, освещенного (очень освещенного) луной, что ли… Полеты бывают скорыми, когда летишь и наслаждаешься скоростью. Здесь – ничего подобного. Этот полет кажется неподвижным. И этот неподвижный полет не прекращается потом, он продолжается… и ведет все выше, во все более горние и все более светлые сферы… Куда? Где ты сейчас? Где мы?.. И только Свет, Свет…

Что-то очень большое узнаём мы при этом. Что узнаём? Ах, это глупый вопрос. Я знаю что: всё. Всё видим объемно, сразу со всех сторон. Всё понимаем, потому что все проникает сразу в глубину нашу. Но, чтобы сказать, чтобы выразить что-то словами, нужно сосредоточиться, то есть в каком-то смысле отвлечься от этого пришедшего Знания, уйти из полета на уровень слов.

Возьми же меня с собой. Возьми к себе, туда, где ты, возьми в свою грусть, только бы нам быть вместе. Если б ты знал, если бы я умела тебе объяснить, если бы ты мог узнать и почувствовать, как я вся твоя, все во мне твое и как я не хочу думать и чувствовать различно, розно с тобою. Разве мы не дружим с тобой, как дружили когда-то, когда ты еще был на земле? Разве мы не дружим с тобой, как никто никогда ни с кем не дружил? Разве не дружим *в главном*? Разве мы не живем вместе в нашем Доме? Разве не вместе учимся мы в школе любви? Хоть я и не знаю о тебе этого: может быть, ты уже и не учишься в ней, ведь ты – выпускник… Но разве не вместе идем мы к Богу по общей тропинке, слившейся из двух наших до-встречных тропинок? Разве не вдвоем молимся Богу словами, и бессловесно, и любовью нашей? Не вместе размышляем и ищем? Разве не осветили мы друг дружке самую главную дорогу? Разве не наша встреча, не наше воссоединение позволили нам бывать, быть, жить в Вечности? Разве ты не знаешь, что ты – мир мой, вся моя Бесконечность? И что это не плохо, не стыдно, не от ограниченности и узости моего мира и моей бесконечности, а оттого, что ты породил, сотворил и вместил все это? Так возьми меня к себе, возьми туда, где ты, где мы сможем быть вместе. Зачем нам ждать моего развоплощения – смерти моей? Ты сейчас, ты всегда возьми меня *туда*. Я не хочу, не могу отдельно. Возьми меня к себе, возьми меня…

⁂

Три реальности сосуществуют.

В одной тикают часы, ходят люди, происходят события. В ней думаются думы, а время движется только в одном направлении. В ней я болею сейчас и теряю силы, день ото дня теряю силы, день ото дня жизнь вытекает из меня. В ней я боюсь, ожидая страшного.

В другой встречаются времена, соединяются далекие друг от друга пространства, приходят в гости или живут у тебя на глазах те, кто давно считаются умершими или, может быть, еще не родились; деревья помогают тебе и учат, камни, вода и даже предметы, сотворенные человеком, не прячут более свои души, и это нисколько не странно, это естественно и прекрасно. В ней мы учимся принимать Божью волю не только покорно, но с готовностью.

Но есть еще третья реальность. Где время не существует, как нет и земного притяжения. Или, может быть, просто небесное притяжение больше земного. И мы не устаем в полете. И Бесконечность с любовью принимает нас, потому что мы – Ее часть, частица, но и Она, бесконечная, наша частица тоже, и мы, маленькие, вмещаем ее, если в нас достаточно любви и соответствия.

Ты обитаешь в этой третьей реальности. Я иногда попадаю в нее. Когда-нибудь – может быть, уже скоро, мы воссоединимся…

⁂

Полудремный поток полумыслей, полусознания. Я устала, меня разморило. Какое странное состояние. Так бывает, когда дремлешь в автобусе и то ли смотришь сон, то ли думаешь о чем-то. Я вся – мягкая-мягкая, будто из облака. Совсем не ощущаю твердости тела. И так называемая реальность кажется мне призрачной. Призрачными кажутся мне и ее проблемы. Призрачен и этот поток слов, который я слушаю изнутри. Это – как улыбка внутрь себя. Я слушаю себя изнутри, и мне слышно несколько слоев. Один из них – телесный. Это – тихо-тихо, будто где-то далеко, или тоже во сне, но все же явственно… Другой слой, наверное, связан с первым. Я не знаю ему названия. Музыка души?..

Есть еще один слой. Я вижу череду людей, которые в разные времена делили со мной свои жизни. Родители. Они кажутся мне молодыми. Они и впрямь моложе меня сегодняшней. Отец. Вот я вижу его. Его глаза, и все лицо, и отдельно щеки и брови. Вижу его в пальто и в смешной шапке. Вижу всё по очереди – и всё вместе…

Если повернуться и глянуть в окошко, можно увидеть нечто более реальное (здешнее?): молочно-туманное небо. Кусочек дерева к нему в утешение.

Нет, не хочу поворачиваться. Лучше сидеть вот так неподвижно и смотреть. Пусть оно проплывает.

Самая первая тоска ли, печаль ли – о чем она? О том, что окончилось что-то? О каком-либо свербящем недо-? Недопонять, недолюбить, недодать, недополучить… Сначала – единство. Оно как-то особенно зримо, явственно, ощущаемо настолько, что о нем, как о дыхании,

не надо и думать. Мы – протоки, по которым проходят жизни. Ты – протоки, по которым проходит моя жизнь. Я – твои протоки. Зная это, станешь ли думать о значимости всего, своей значимости для жизни другого?.. Просто ощущение: по моим жилам течет твоя жизнь.

Конечно, это не совсем так. Я понимаю, что при этом есть и свет, и тишина. Но все-таки лучше бы не поворачиваться. Лучше сидеть и смотреть в застывшей неподвижности. Тогда и Свету, и Тишине ничто не помешает…

⁂

Тишина… Когда-то обрадовалась, как своей, строчке: «И тишина – не немота. В ней все оттенки звуков». Чья строчка? Не помню уже. Тогда это было так впору. Таким своим казалось: «Тишина – не немота…». Сколько лет прошло, и как оно постепенно росло и менялось:

> …Вот иду вечером домой с троллейбусной остановки по своей «очень дзенской» тропинке, смотрю на «очень дзенские» тополя и небо с «очень дзенской» луной. Слушаю Тишину, на фоне которой слышно, как шелестят листики на деревьях, и где-то прогудела машина. И еще какие-то звуки, отдельные, их немного. Но они не проникают в Тишину и не нарушают ее. Тишина – отдельно, а звуки – отдельно. Слушаю Тишину, и мне становится высоко и спокойно. Чувствую, как высота и покой входят в меня вместе с Тишиной. И понимаю (это все знают, ну и что): Тишина не есть отсутствие звуков. Ведь Тишина – не пустота, а полнота. Тишина – полнота, насыщенность иных сфер. Мы, люди, не воспринимаем их своими органами чувств. Мы не можем услышать, пощупать, понюхать это неведомое. Но не можем так же, как не можем услышать ультразвук, любой слишком высокий звук. И, не умея воспринять это пальцами, глазами или ушами, мы воспринимаем Тишину непосредственно душой. Душа слышит полноту и насыщенность иных сфер, как ухо слышит мелодию – полноту нашей человеческой сферы – или шум моря, или шелест деревьев – полноту сферы земной. И тогда получается, что, может быть, наши души с помощью Тишины с Космосом и Вечностью общаются (как мы с помощью речи)… Смешно? Фантазия? Ну а вдруг это так и есть? Ведь мы же знаем, что, когда Тишину слушаем, мы – не такие, как всегда. Будто Вечности причащаемся. А почему? Может быть, в этот момент Вечность действительно касается нас. И тогда я не фантазерка, а просто верящая. Верящая – это почти верующая. Только это все-таки совсем другое. Просто если со мной часто случаются чудеса, – естественно, что я в них верю, и им верю, и не удивляюсь. И если бы все это оказалось правдой, я бы больше обрадовалась, чем удивилась…
>
> «Тишина – не немота, в ней все оттенки звуков».
>
> Тишина не есть отсутствие звуков. Ведь Тишина – не пустота, а полнота.
>
> Тишина – полнота, насыщенность иных сфер.
>
> «Тишина – не отсутствие звуков, а присутствие Бога во мне»[10].

[10] *З. Миркина.* «Тишина – это значит, что Богу…»

⁂

Ну вот, все вошло в обычное для меня развоплощенное состояние, но в то же время так еще осязаемо, – только теперь все неверие и тоска уходят, и вокруг меня уже сомкнулись полнота Тишины, та Высь, которая и Глубь… Чудо свершилось. Я помню теперь то, что всегда: тот Космос, который не большой, чужой и темный, а который бесконечная протяженность безначального и бесконечного; музыку Тишины, музыку Храма. Глаза в глаза. Без касания.

И все это: все эти слои, все видения, медитации, ощущения, – все это плывет в небесной музыке Тишины. Торжественной, ясной, светлой…

⁂

У меня за окном живет тополь. Вообще-то есть еще платаны, но это с другой стороны – возле балкона. Есть березка, но она далеко – в детском саду. Ее хорошо видно, и иву хорошо видно тоже. Но ближе всего к окну – тополь. И он – высокий, выше моего окна.

Я никогда раньше не дружила с тополями. В детстве у меня был большой старый и добрый платан. Я была маленькая и, когда разговаривала с ним, становилась на детский стульчик, чтобы быть повыше. Ведь он жил на улице Пушкинской еще тогда, когда она называлась Итальянской, а Пушкин ходил по ней мимо моего платана, переходил дорогу и заходил к себе в дом – особнячок, что стоял напротив. Представляешь, сколько повидал мой платанище, каким он был мудрым, большим и каким снисходительным, когда слушал мой лепет. Я ведь ему много и часто рассказывала придуманное и «взаправдашнее». И беседовала с ним. И пела ему песенки. И плакала ему, когда меня обижали или когда просто грустилось и плакалось. И жаловалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.